

Официальный сайт

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по городу Санкт-Петербургу

"Преступника подбором интеллектом"

25 июля отмечается День сотрудника органов следствия в Российской Федерации. Учрежден он в 2013 году – ровно через 300 лет после того, как именным указом Петра I была создана следственная канцелярия. Наш сегодняшний собеседник – один из продолжателей славных традиций российских сыщиков - заместитель руководителя Главного следственного управления СК РФ по Санкт-Петербургу генерал-майор юстиции Дмитрий ИВАНОВ. На его счету – множество раскрытых тяжких преступлений: банды, грабежи, вымогательства, убийства. Долгие годы он возглавлял самое «горячее» – 1-е («бандитское») управление питерского ГСУ СК. Ныне же «курирует» всю наиболее значимую городскую преступность и видит ситуацию, что называется, «свысока».

– Скажите, Дмитрий Анатольевич, после повышения по служебной лестнице вам интереснее стало работать?

– Конечно. В моем ведении теперь два управления – бывшее мое и 2-е, которое занимается расследованием экономических, должностных и налоговых преступлений. Разумеется, кругозор расширился. Пришлось разбираться в тех областях, которые раньше проходили,

скажем так, по периферии основной работы. В принципе получилось логично – я иду в русле современной тенденции развития преступности, которая переходит в более сложные, интеллектуальные формы. Борьба с ней не менее интересно, чем раньше, но при этом, условно говоря, включаются уже какие-то другие участки мозга.

Да, преступления становятся менее эффектными. Стало гораздо меньше крупных, громких дел, которыми мы были завалены в лихие девяностые. Таких банд, как тогда, сегодня уже нет. Им просто было бы не выжить. Последние лет двадцать я слышу одно и то же: сейчас начнут выходить из заключения «герои» тех памятных времен и вернут нас в криминальную эпоху. И вот они действительно выходят, но их время ушло. Это уже взрослые, солидные люди, которым какая-то криминальная романтика теперь не нужна. К тому же многие из них нажили определенный капитал и не хотят им рисковать. Да и развернуться им никто не даст.

Сейчас невозможно допустить, что к представителям коммерческой структуры кто-то придет и навяжет им свой криминальный контроль. Такие явления остаются еще лишь в сфере какого-то «черного» бизнеса либо в замкнутых этнических образованиях. Не так давно, например, в нашем производстве было такое дело, касающееся киргизской диаспоры. Но даже в этом случае злоумышленников взяли «на старте» – наша полиция сработала совместно с киргизской, и им, по сути, ничего не дали натворить.

Как видим, масштаб уже совсем не тот. И это хорошо – значит ситуация в обществе стабилизируется, оно становится более цивилизованным.

– Цивилизованно и воруют!

– Увы... Сейчас совершенно спокойно, сидя в чистом кабинете, в хорошем костюме, можно заработать в десятки, а то и в сотни раз больше, чем тем же банальным рэкетом. Самое распространенное воровство – хищения при исполнении госконтрактов. «Свои» люди выигрывают конкурсы, при этом существенно завышают стоимость работ, либо удешевляют их потом «по факту» (например, применяя более дешевые материалы), либо вообще ничего не делают. При этом преступникам в ряде случаев помогает то, что технадзор – коммерческая структура и его представители не подпадают под статьи о должностных преступлениях. К сожалению, за государственные деньги никто не бьется так, как боролся бы за свои. Поэтому из бюджета украсть гораздо проще, чем, допустим, из кармана у какого-то бизнесмена. Именно поэтому так успешно действовали, к примеру, фигуранты известного дела ГК «Единые решения», ныне осужденные на разные сроки. В их числе, кстати, и чиновники, бравшие за свои услуги немалые откаты.

– Коррупции, по вашим ощущениям, стало больше?

– Я бы не сказал. Просто эти преступления стали чаще раскрываться, об этом больше сообщает пресса, поэтому у людей складывается впечатление, что явление прогрессирует.

Сегодня наши правоохранительные органы наработали огромный опыт раскрытия таких преступлений, в том числе и в своей среде. Выросло оперативное мастерство, появились новые технические средства.

Но руководствоваться при оценке уровня коррумпированности в том или ином регионе какими-то «математическими» категориями надо с осторожностью. Больше дел по коррупции – это что значит: здесь больше воруют или лучше работают правоохранители? А вот неизвестно. Преступления этого вида имеют большую латентность, и, чтобы делать выводы типа «больше или меньше», надо проводить серьезную аналитическую работу. Если, скажем, в регионе каким-то чудесным образом постоянно «растворяются» бюджетные деньги, а выполнение госконтрактов тормозится, можно с уверенностью говорить о повышенной коррупции. Независимо от количества возбужденных уголовных дел по соответствующим статьям.

– Иногда в оппозиционной прессе или в Интернете заявляют о невинно пострадавших в борьбе с коррупцией...

– С трудом себе представляю, как можно сфабриковать такое дело. Сначала человека ведут оперативники, потом работает следователь. Результат его труда проверяет надзирающий прокурор, после чего дело передается в суд. Все эти инстанции не зависят друг от друга, и, чтобы посадить заведомо невиновного, они должны как-то договориться между собой. По моему, это совершенно нереальная история.

– Часто также говорят о неких могущественных лидерах, которые якобы собирают дань чуть не со всего криминального мира России.

– Мне тоже приходилось слышать подобные байки. Чаще всего такими лидерами называют воров в законе. Да, в некоторых регионах они играют заметную роль. Но преступные группировки нередко создают, к примеру, представители крупного бизнеса, люди из правоохранительной системы, в том числе высокообразованные, юридически подкованные, владеющие сложными компьютерными технологиями. Как вы думаете, будут они подчиняться какому-то вору в законе, засылать деньги в общак, «греть зону»?

– Известный советский сыщик генерал-лейтенант милиции в отставке Александр Гуров как-то сказал, что никакая организованная преступная группировка не прожила бы и трех дней без прикрытия правоохранителей...

– Допускаю, что это могло быть так, когда оргпреступность еще только начинала свою активную жизнь. Сейчас ситуация изменилась. Преступные группировки чаще всего создаются не на базе каких-то мощных связей или преступных кланов, а спонтанно, «из того, что есть в наличии». У кого-то связи в органах имеются, у кого-то нет. Бывает, что правоохранители сами выступают в роли организаторов. Но их точно так же «снимают с пробега», как и

Официальный сайт

Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по городу Санкт-Петербургу

преступников без связей. Многие, в том числе и ваша газета, писали, к примеру, о деле майора полиции Крохина, приговоренного к пожизненному заключению по обвинению в нескольких убийствах.

– *Наверное, правоохранителей следователю изобличить труднее?*

– Иногда говорят – мол, они быстрее признают вину, потому что знают по своему опыту, что их все равно «дожмут». Лучше признаться, чтобы смягчить свою участь. Но так происходит не всегда. Некоторые, наоборот, используют свои знания и опыт, чтобы запутать следы, уйти от ответственности. Собственно, здесь нет ничего оригинального: правоохранители – такие же люди, как и все остальные. Сильные или слабые, глупые или умные... Мы ни для кого не делаем различий.

– *А если бы, не дай бог, «паршивая овца» завелась в ваших рядах?*

– Уверяю вас, «отмазывать» такого человека, чтобы спасти честь мундира, никто бы не стал. Но мы прилагаем все усилия, чтобы подобного не случилось. Отбор у нас очень строгий – случайный человек попасть практически не может. Так что утверждаю со всей ответственностью: коллектив, которым я руковожу, состоит из людей, абсолютно преданных своему делу, высочайших профессионалов, готовых решать любые задачи. Особенно хорошо видна квалификация наших сотрудников при проведении масштабных мероприятий, когда одновременно производится несколько десятков обысков и задержаний. Огромный коллектив работает как один хорошо отлаженный механизм. Но каждый такой «подвиг» – это колоссальный объем последующей работы: допросы, осмотры вещественных доказательств, очные ставки. Все это может длиться несколько суток подряд.

– *Работа в таком режиме – верный путь к профессиональному выгоранию...*

– Да, не скрою, такая опасность есть. Бывают дела объемом в несколько сотен томов. При этом следователь не имеет права ошибиться ни в одной букве – прокуратура запросто все завернет обратно. К тому же дамокловым мечом висят процессуальные сроки и идет жесткое противодействие со стороны адвокатов. Чудовищное психическое напряжение человека порой просто опустошает. Дополнительный осложняющий фактор – довольно частая ситуация, когда следователь получает чужое дело на поздних сроках. Допустим, возбуждала полиция, но потом в числе подозреваемых появился спецсубъект – к примеру, крупный чиновник, депутат или адвокат. А это уже подследственность СК. И тогда наш сотрудник должен быстро вникнуть во все подробности дела, может быть, исправить чужие ошибки...

– *Вы как руководитель чувствуете ту опасную черту, за которой человек может сломаться?*

– Да, я всегда старался, как говорится, держать руку на пульсе – и тогда, когда руководил

небольшим коллективом, и сейчас. Полагаюсь также на опыт и знания начальников соответствующих подразделений. Мы стараемся по возможности людей беречь. Хотя бывают ситуации, когда в «атаку» нужно идти, невзирая ни на что. Есть в работе следователя масса рутинных операций, которые не нравятся никому. Человек, к примеру, тратит месяцы своей жизни на изучение огромного количества бухгалтерских документов. Я не могу его от этого освободить – иначе мы не добудем необходимые доказательства.

При этом одни сотрудники более склонны к работе «в поле», другие – в кабинете. Следователи «бандитского» и «экономического» управлений – это разные типы людей. У «экономистов» есть, например, специальный отдел, занимающийся расследованием налоговых преступлений. Его сотрудники решают важнейшую для государства задачу – возвращение денег в бюджет. Но они, образно говоря, не месят грязь сапогами, а занимаются сугубо аналитикой. Впрочем, сейчас грань между двумя управлениями начинает размываться – в «бандитском» появился отдел по борьбе с коррупционными преступлениями, и его сотрудникам приходится порой погружаться в экономические реалии. На стыке общеуголовной и экономической преступности находятся также многочисленные дела о кибермошенничествах.

– Но ваша душа по-прежнему там, где расследуют «бандитские» дела?

– Моя душа – там, где идет мощная интеллектуальная работа, где разворачивается противоборство с сильным, дерзким противником. И мне уже неважно, на «поляне» какого управления происходит эта борьба. Ваша газета, например, недавно рассказывала о расследовании дела организованной преступной группы телефонных мошенников. Наши сотрудники совместно с оперативниками угрозыска провели блестящую, хорошо продуманную и грамотно организованную операцию. Задержаны непосредственные участники преступлений, добыты неопровержимые доказательства их деяний. Противник был чрезвычайно изощренным, но мы смогли его переиграть.

Не могу не вспомнить также громкое убийство одного из руководителей нашего УФСИН. Там уголовным преступлением прикрывалось экономическое – хищение при строительстве следственного изолятора «Кресты-2». И заказчик, и исполнитель полностью изобличены, получили большие сроки.

– В производстве у ваших сотрудников – десятки дел. Вы все держите в голове?

– Каждое утро я начинаю с «шахматки» – подробной таблицы, где расписано, кто из наших следователей и каким делом сейчас занимается. Разумеется, так подробно, как они, я эти дела не знаю. Сила следователя – в деталях, а начальника – в стратегическом мышлении. Я должен видеть ситуацию в целом – где процесс идет успешно, а где пробуксовывает. Совместно с конкретным сотрудником и его руководителем выясняем причины пробуксовки, ищем возможности решения проблемы. Постоянно возникают новые дела, и мне приходится изыскивать резервы и бросать их в бой. При этом учитывается множество факторов:

Официальный сайт

Главное следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по городу Санкт-Петербургу

индивидуальные качества сотрудника, его занятость по другим делам, его опыт и предыдущие ошибки. Стараюсь организовать дело так, чтобы люди постоянно учились. Если следователь выезжает на крупную реализацию, рядом с ним – начальник его подразделения. Он вовремя подскажет, как закрепить доказательства, как получить показания свидетелей, чтобы завтра не кусать локти: забыл спросить то или это. А завтра человек, может быть, уже откажется говорить... При этом постоянно надо держать в голове: мы отстаиваем интересы потерпевших – людей, попавших в беду. Они должны видеть в нас силу государства и полностью доверять нам.

– *Получается?*

– По-моему, да. И сейчас даже больше, чем раньше.

Подготовил Михаил Рутман "Санкт-Петербургские ведомости"

ссылка на интервью в газете "Санкт-Петербургские ведомости":
<https://spbvedomosti.ru/people/dmitriy-ivanov/>

23 Июля 2021

Адрес страницы: <https://spb.sledcom.ru/folder/606604/item/1623942>